

Виктор Молчановский, д-р пед. наук, профессор, проректор по научной работе и инновационным проектам Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Учебник русского языка как иностранного в ряду средств формирования образа России

Среди тех, в чьем сознании формируется образ России, русского языка, русской культуры, много людей, которые специально этим занимаются, изучая язык. И этот образ России, и представление о России у всех разные. Нельзя говорить, что оно или очень отрицательное, или очень положительное...

Надо отметить, что мы в Государственном институте русского языка имени А. С. Пушкина не испытываем недостатка в желающих изучать русский язык. Ежегодно к нам поступают до двух тысяч человек. В какой-то период, когда в стране был общий кризис, к нам просто боялись ехать: тут все взрывалось и ничего не продавалось... А сейчас желающих изучать русский язык много, и это говорит о существую-

щем интересе. Изменился контингент учащихся, изменились приоритеты, но желание изучать русский язык сохраняется.

Одним из каналов, средств формирования образа России, русской культуры, русского языка являются учебники. Это совершенно естественно, и в свое время именно у нас в институте возник такой методический и научный аспект, который назывался лингвострановедение, в числе его основателей были Виталий Григорьевич Костомаров вместе с профессором Евгением Михайловичем Верещагиным. С самого начала формирования нашей отечественной методики преподавания русского языка как иностранного проблема соизучения культур в процессе изучения языка была на одном из первых мест. Нас обвиняли в том, что это аспект, который политизирует, идеологизирует процесс обучения языку; и для того, чтобы совсем уж дистанцироваться от этого, методику называли лингвокультурология, лингвокультуроведение.

А одна из самых актуальных, самых интересных проблем — это история нескольких столетий формирования образа России в учебниках, причем не только по русскому языку, но в первую очередь по географии и истории. Естественно, результат формирования этого образа различался в зависимости от того, где создан учебник: на родине учащегося, за границей, или у нас в России. Наша коллега из Италии Рафаэлла Романьоли проанализировала учебники для средней и высшей школы и сделала такие выводы: во-первых, информация о России представляется преимущественно, если не исключительно, в западноевропейском контексте, во-вторых, она чаще всего сосредоточена во-круг событий не столько российской, до 1917 года, сколько советской истории. Последнее концентрирует внимание учащихся на факте противостояния Советского Союза и Западной Европы, что объективно способно негативно влиять на представления учащихся о современной России и ее народе.

Об участии школьных учебников по географии XVIII—XX веков в формировании образа русских людей в датском менталитете остроумно и детально заметил профессор Петер Ульф Мёллер. Приведу цитату: «Образ русских, во всяком случае каким он представлялся в учебниках географии, вплоть до 1960 года базировался на небольшом и неизменном запасе весьма скромных добродетелей и серьезных пороков, давно утвердившемся в записках западных путешественников. К счастью, этот образ — далеко не полная картина». Очевидно, что в этой ситуации мог сложиться устойчивый негативный культурный стереотип. В формировании этого стереотипа некоторую роль играет смешение, как бы соединение понятий до 1991 года: «русский» и «со-

ветский». «Советский», вне зависимости от того, из какой республики или части нашего государства приезжал человек, все равно воспринимался как «русский» и назывался «русским». Теперь происходит то же самое: «русский» и «российский», полная идентификация. Вот впечатление одного из наших соотечественников, который уехал на Запад: «Нетрудно видеть, что словом "Раша" покрывается все, и один коллега всю чернуху, которую показывают по ТВ и в газетах печатают, вылил на меня разом: Россия — нищая страна, дети голодные, женщины — проститутки, мужчины — алкоголики, кругом все воруют. Каждый раз он приносит мне статьи о России, тыкая мне при всех в них и громко рассказывая мне об этих русских. Тут мне и за "новых европейцев" достается заодно. Коллеги не вмешиваются, но я вижу, что они одобрительно относятся к его высказываниям».

Можно долго продолжать, потому что тема очень обширная; конечно, есть разные каналы: учебники, СМИ, телевидение, сейчас еще Интернет. Недавно одна наша коллега, бывшая соотечественница, Ирина Толстикова-Маккей, которая живет в США, защищала у нас диссертацию о метафорах в русскоязычной прессе — казалось бы, глубоко академическая проблема. Она анализировала русскоязычную прессу в Америке и сделала вывод, что в основном с помощью метафор формируется если не остро негативный, то во всяком случае отрицательный образ. Но если сравнить это с нашей прессой, то оказывается, что через использование метафор создается образ гораздо более негативный в сравнении с даже прессой эмигрантской.

И вот в связи с этим хочу несколько отойти от своего основного вопроса, чтобы также откликнуться на прозвучавшие высказывания и обвинения. Были у нас «оборотни в погонах», были «оборотни с указкой в руках», в свое время в белых халатах тоже были вредители, это мы еще не забыли; теперь вот учителя, которым вместо премии в пору наручники надевать и отправлять в места не столь отдаленные за то, что они так безразличны и равнодушны к судьбам языка за ту зарплату, которую им положили. Так вот, я считаю, что со стороны людей, равнодушных к культуре и языку, восклицания о том, что русский язык гибнет, — это не более чем кликушество. Восклицания со стороны политиков, совершенно бескорыстных и неподкупных, и особенно со стороны журналистов, которые, как известно, в нашей стране тоже совершенно независимы даже в независимых изданиях и поэтому уж абсолютно никакой ответственности не несут за судьбу русского языка, — а вот остались только эти купленные лингвисты в Академии наук, которые ходят неизвестно зачем на работу, вот они-то русский язык всячески портят. И на «Эхе Москвы», и в других средствах массовой информации активно говорят о засилье иностранных слов, хотя

более трех фраз, не используя иностранных слов, сформулировать не могут... Можно говорить о том, что не гибнет, а резко снижается до безобразного состояния общая культура, культура речи, культура использования языка. И даже если лингвисты, эти вредители в академических шапочках, будут на каждого нарушителя неких неустановленных норм по количеству использования лексики, неприятной для уха, надевать наручники, то, я думаю, положение не исправится.

Вот, скажем, один блюститель и ревнитель русского языка, очень активный, очень темпераментный политический деятель, приходил к нам в институт и тоже агитировал нас за то, чтобы мы «не были равнодушны», предлагал поступить по примеру Шишкова 200-летней давности, который тоже «мокроступы» хотел ввести вместо «калош», но не получилось ничего... Так вот, он, Владимир Вольфович Жириновский, говорил о безобразном количестве иноязычных заимствований, о том, что надо с этим бороться и устанавливать законодательные меры. Он много примеров приводил, но один мне больше всего запомнился: «парикмахерская» — не потому, что это иностранное слово, а потому, что трудно этому слову детей учить; он предложил перевести это, по-моему, как «стригальня», а парикмахер кто? — «стрижак»! Только вот такого рода преобразования язык не примет, а самым большим нарушителем норм, традиций, языкового вкуса в начале XIX века был... Пушкин! Он до какого-то известного возраста и по-русски-то не говорил... Так вот, Пушкин писал Погдину: «Одна беда: слог и язык. Вы неправильны до бесконечности... Ошибок грамматических, противных духу его усечений, сокращений — тьма. (Как будто о нашем времени пишет, не двести лет назад!) Но знаете ли? и эта беда не беда. Языку нашему надобно воли дать более (разумеется, сообразно с духом его). И мне ваша свобода более по сердцу, чем чопорная наша правильность».

Спасибо за внимание.